

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРИЕМЫ ОЧЕЛОВЕЧИВАНИЯ ВЕЩНОГО МИРА В РАССКАЗЕ В.БРЮСОВА «БЕМОЛЬ»

Статья посвящена анализу лексических, семантических и грамматических средств языка, выражающих человеческие свойства неодушевленных предметов в сознании героини рассказа.

The article is devoted to the analysis of lexical, semantic and grammatical recourses of the language which express human properties of inanimate objects in consciousness of the heroine.

Как известно, в литературном произведении художественные приемы, средства языка ценны не сами по себе, а в подчинении категориям содержания: теме, идее, художественным образам (и в том числе образу автора). Особенностью рассказа В.Брюсова «Бемоль» выступает явное доминирование художественных средств определенной направленности – средств очеловечивания неодушевленных предметов в сознании героини. Одним из распространенных и действенных художественных средств выступает сравнение – в данном случае неодушевленных предметов с людьми. Именно сравнением открывается пронизывающая весь рассказ параллель «люди / неодушевленные предметы». Первое сравнение довольно широко и обобщенно: с человеческим миром сравнивается мир вещей в целом – *этот мир был ей понятнее, чем книги, и относился к ней дружественнее, чем люди*. Круг вещей вначале предстает как неразделимое целое, наделенное свойственным человеку *дружественным* отношением; и само объединение в предложении *книг и людей* как чутких друзей также показатель (сопоставление *книги / друзья* распространено и в литературе, и в повседневном общении).

Понятие человечества в целом для индивида слишком велико и абстрактно; из неопределенно широкого мира людей вычлениются близкие, родственные связи, утрата которых становится непоправимым горем. Именно поэтому, после ухода со службы, посетив ставший ей домом магазин, Ан-

на Николаевна... *с жадностью взяла в руки красивые листы, которые когда-то умели отвечать на ее ласки; но теперь они были жестки, как мертвецы*.

Более распространено в рассказе наименование канцелярских принадлежностей одушевленными существительными, как правило, оценочными: фактически такие наименования – это имплицитные сравнения, сравнения без формально присутствующих грамматических показателей, выражающие олицетворение, очеловечивание. Ср., например: *она скоро узнала все сорта бумаги и перьев, все серии открытых писем... некоторые полюбила, другие считала своими врагами*. Заметим, что, безусловно, врагом может осознаваться не только человек, но и абстрактное понятие, непознанная сверхъестественная сила, чувство, свойство характера (*язык мой – враг мой*). Симпатичные Анне Николаевне вещи автор, заставляя читателя увидеть вещный мир глазами героини, именуется следующим образом: *любимчики, любимцы* (3 употребления), *друзья*. Отметим кстати, что у Анны Николаевны не складывается общение с немногочисленными знакомыми – теткой, хозяйкой магазина, мальчиком-слугой. Обращает на себя внимание антонимия *враги / друзья, любимчики, любимцы* – оценочные существительные передают эмоциональные отношения, причем не любые, а определенные эмоции по шкале «любовь, дружба – вражда»; а трижды встречаемое существительное *любимчик* содержит суффикс эмоционально окрашенный *-чик-*. Повествование субъективированно,

ведется с точки зрения Анны Николаевны, однако автор всё же присутствует «сверху», не случайно он подчеркивает относительность такого видения, используя глаголы *считала, казалось, контактную рамку при мысли, что...*

Вещному миру не только присваиваются оценочные наименования (типа *друзья-враги*), но и, в продолжение противопоставления, приписываются человеческие действия, эмоции. Ср. приводившийся выше пример: *этот мир... относился к ней дружественнее, чем люди*. Но особенно выпукло олицетворение, очеловечивание прослеживается в отношении героини к конкретным предметам. У некоторых письменных принадлежностей героиня угадывает человеческие, физиологические свойства: *...она ненавидела толстые стеклянные, словно сытые, чернильницы...* В рассказе распространены ассоциации человеческих действий, относящихся к эмоциональной или мыслительной сфере, с воображаемыми действиями предметов. Приведем в качестве примеров представляемые героиней отрицательные эмоции: *полосатые транспаранты, которые всегда кривились, словно насмехались*; мыслительно-эмоциональные действия: *Анна Николаевна была убеждена, что все вещи в магазине ее понимают; ...они не узнавали Анны Николаевны; но Анна Николаевна верила, что ее знакомые картинка, ручки и тетрадки помнят ее и любят по-прежнему; ...с жадностью взяла в руки красивые листы, которые когда-то умели отвечать на ее ласки*. Интересно, что плоды воображения, вымечтанные чувства простираются на реальную действительность, на чувственное, тактильное восприятие: так, описание того, как Анна Николаевна держит в руках

листы бумаги, напоминает описание прикосновения к человеку.

В воображении героини предметы наделены речью: *она вслушивалась в безмолвную речь; ...рассказывала им сказки и слушала их рассказы; иногда все вещи пели ей хором чуть слышную, убаюкивающую песню; и они, казалось ей, утешали ее*. Интересно, что в рассказе эта речь «не конкретна», не приводится определенных слов, такая речь – скорее, ощущение героини. Автор указывает на уникальность восприятия героини, несоответствия его объективному миру: ср. употребление слов *убеждена, казалось*. Очень человеческий (и человеческий) подход Анны Николаевны к вещам проявляется в своеобразном отношении к их особой, «вещной» судьбе (нахождение в магазине – покупка – переход в чужие руки): такова, например, судьба *...партии маленьких весов для писем, которые шли плохо и которые Анна Николаевна полюбила за их обездоленность...* На предметы простирается не только очеловечивание, но и – шире – одушевление: *когда она целовала голубков на концах ручек, они трепетали своими деревянными крылышками; бумага, карандаши, перья – все казалось здесь не живым*. Одинокой девушке важно не только человеческое общение, понимание, но и присутствие рядом живого существа – не обязательно человека – дарящего ей эмоциональное тепло.

Таким образом, автор находит яркое воплощение и художественные приемы показа ставшей литературной традицией «трагедии маленького человека», которые в рассказе используются и последовательно, во взаимосвязи друг с другом на всем его протяжении и способствуют донесению до читателя этой трагедии.